

Джерела та література

1. Ананьев Б.Г. К теории внутренней речи в психологии //Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Л.: Просвещение, 1946. – С. 67-68.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.
3. Гей Н.К. Сопряжение пластичности и аналитичности //Теория литературных стилей. – М.: Просвещение, 1977. – 179 с.
4. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М.: Наука, 1985. – С. 45-67.
5. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. – М.: Просвещение, 1968. – 336 с.
6. Индивидуально-художественный стиль и его исследования /Под ред. В.А. Кухаренко. – К.: Вища школа, 1980. – 168 с.
7. Леонгард К. Акцентирование личности: Пер. с англ. – М.: Наука, 1981. – 213 с.
8. Степанов Ю.С. Изменчивый образ языка в науке 20 в. //Язык и наука конца 20 в.: Сб. ст. – М.: Школа Языки русской культуры, 1995. – С. 7-34.
9. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы: Учебн. пособие. – 4-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1971. – 154 с.
10. Шкловский В.О. О теории прозы. – М.: Просвещение, 1983. – 98 с.
11. Dreodah L.B. Personflity and creatiocity in artists and writers. – London, 1958. – P. 45.
12. Miller G.A. The place of language in a scientific psychology //Psychological Science. – V. 1. – №1. – 1990. – P. 13-15.

Поступила до редакції 14.07.2005 р.

УДК 81'22:81'27

Шейхаметова Н.Р.

ЖЕСТОВЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА

В лирике А.С. Пушкина жестовые наименования оказываются средством индивидуализации персонажей.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, кинесика, мимика, поза, молчание, этикетные и религиозные жесты

У ліриці О.С. Пушкіна жестові найменування виявляються засобом індивідуалізації персонажів.

Ключові слова: невербальна комунікація, кінесіка, міміка, поза, мовчання, етикетні та релігійні жести

In the lyric poetry of A.S. Pushkin the gestured names proved to be the means of characters` individualization.

Key words: nonverbal communication, facial expression, pose, silence, etiquette and religious gestures

Проблема нашей статьи – это невербальная коммуникация в условиях художественной речи. Жестовые наименования оказываются как явлением коммуникации, так и важнейшим средством реализации характера персонажа художественного текста. Как явление коммуникации жестовые наименования являются неотъемлемым и необходимым компонентом бытовой жизни людей, отражая практическую деятельность частного человека. Как средство реализации характера персонажа художественного текста **жест** – это действие или поступок, имеющий не только и не столько практическую направленность, сколько отнесенность к некоторому значению. Жест – всегда знак и символ, а его значение – замысел автора. В связи с проблемой определена **цель** работы – характеристика жестовых наименований как элемента поэтической речи. Для достижения данной цели выдвинуты следующие **задачи**: выявить структурные группы жестовых наименований и описать их семантические особенности.

В поэтической системе А.С. Пушкина, эмоционально и экспрессивно насыщенной, значимым элементом повествования и характеристики персонажей являются наименования жестов.

Ранняя лирика А.С. Пушкина – это пора «звуков» и размеров. Главное содержание этой поры – стихийные поиски стиля [6, с. 309].

Слово «жест» восходит к латинскому слову *gerere*, означающему `носить, нести ответственность, контролировать, выполнять, исполнять [3, с. 166].

По мнению Г.Е. Крейдлина, непосредственным предметом слова «жест» (точнее, его английского эквивалента слова *gesture*) является *gestura*, слово из средневековой латыни, значение которого может быть описано как «способ ношения чего-либо или способ действия» [3, с. 167].

В информативном плане жестовые наименования рассматривали Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и Г.Е. Крейдлин.

Е.М. Верещагин отмечал, что жесты – значащие телодвижения, исполняемые сознательно и в расчете на наблюдателя [1, с. 158].

Невербальные языки он делит на соматический и язык привычного поведения.

К единицам **соматического** языка относит:

- жест как естественное проявление;
- мимику, которая означает «движение лица, несущее за собой смысловую нагрузку»;

- выражение лица – «значащее фиксированное положение лицевых мышц»;
- позу – «значащее положение человеческого тела, сохраняемое в течение определенного времени – краткого или продолжительного»;
- симптом – «душевное движение и состояние»;
- молчание [1, с. 158-160].

Язык привычного поведения тесно связан с нормами поведения (дома, в общественном месте, с детьми, с подчиненными, с руководителями), то есть с этикетом.

Г.Е. Крейдлин определил жесты как «полнозначные единицы, основная идея и функция которых – семиотическая, а именно выразить значение и передать его партнеру по данному коммуникативному акту» [4, с. 208].

В плане художественного текста о жестовых наименованиях упоминается в работах В.В. Виноградова, Л.М. Шелгуновой, Н.Н. Ничик.

В.В. Виноградов впервые считал необходимым исследовать «формы описания сопутствующих разговору жестов, мимики, пластических движений, приемы характеристического изображения персонажей диалога» [2, с. 71].

Л.М. Шелгунова определила общие принципы системного описания жестов в художественном тексте. Она справедливо заметила, что информация о невербальной речи обеспечивает восприятие жеста как посредника между чувством, намерением, с одной стороны, и словом, поступком – с другой. Художественно значимыми являются указания на противоречие между жестом и словом, жестом и действием, словом и действием. При этом значение внутренней речи обычно не противоречит противопоставлению «жест – слово», используется противопоставление «внутренняя речь – внешняя речь» [9, с.65]. Особенности жестовой номинации в индивидуально-авторской системе Ф.М. Достоевского (на материале романа «Белые ночи») выявила Н.Н. Ничик [7, с. 155-160].

В плане истории культуры и лингвокультурологии Ю.М. Лотман определил «всякое действие как жест, а значение его – замысел автора» [5, с. 200].

Языку тела в невербальной коммуникации в истории и культуре всегда уделялось достаточно много внимания. Особенно часто это было объектом таких областей человеческой деятельности, как риторика, медицина, психология, педагогика, искусство и физиогномика, которая представляет собой учение о том, как отражаются в чертах, формах и выражениях лица человека его внутренние качества.

Следует отметить, что история знает периоды, когда язык тела был не менее значимым, чем язык слов. Например, культуру средних веков иногда называют культурой жеста или жестовой культурой, подчеркивая этим одновременно и ту роль, которую движения и положения человеческого тела играли в социальных отношениях, и то, что средневековая культура сама много размышляла о своих жестах, создавая, по сути, их теорию. Средневековое представление о жесте как о природной форме выражения индивидуально-психологических и общественных процессов было весьма распространенным и устойчивым.

При описании жестовых номинаций мы используем классификацию Е.М. Верещагина. На наш взгляд, именно эта классификация наиболее точно отвечает произвольным и произвольным движениям, заменяющим слово.

Все разновидности невербальных движений мы рассматриваем как жест в широком смысле. Это допустимо в условиях художественной речи (так считал В.В. Виноградов, Л.М. Шелгунова, Н.Н. Ничик).

Ранний период творчества А.С. Пушкина складывался в сложной литературной и культурной ситуации сосуществования литературных вкусов сентиментального направления и романтического видения мира и человека. Обращаясь к наиболее авторитетным и притягательным поэтическим традициям, манерам и образцам (школа карамзинизма, французская «легкая» поэзия, Вольтер и Оссиан, Батюшков, Жуковский и др.), Пушкин не столько следует в русле тех или других, сколько «стремительно примеряет их на себя, интуитивно испытывает их предельные возможности» [6, с. 311].

1. Жест как естественное проявление внутреннего состояния лирического героя.

Лирический герой ранней лирики А.С. Пушкина – это тонкая и талантливая натура. Талант проявляется в умении выразить свои искренние, трепетные чувства:

Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И со звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам! [8, I, с. 182]

Внутри соматической системы, по нашему мнению, доминирующим считается именно жест, а мимика, выражение лица, поза, симптом, молчание являются разновидностями жеста.

Пушкинский романтизм чувствуется даже во взаимоисключающих строках:

С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит – спасительной лозою? [8, I, с.18]

2. Мимика.

Для романтического героя ранней лирики А.С. Пушкина достаточно того малого - «улыбки», чтобы успокоить его душу:

Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит! [8, I, с. 180]

Улыбка – это очаг возгорания страсти и в то же время ее успокоение. Чтобы добиться известности во всем мире, лирический герой сталкивается с противоречием со стороны лирического адресата:

Ура! – вскричал монах с усмешкой злою,
Поймал тебя, подземный чародей [8, I, с. 15].

3. Выражение лица характеризует внешнее проявление внутреннего состояния героя:

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, скажешь мне – не трать излишних слов!» [8, I, с. 280]

4. Поза.

Можно выделить позу задумчивости как разновидность жеста, выражающую внутреннее состояние лирического героя, который погружен в «сладки думы», мысли о своей возлюбленной или о прекрасной поре человечества – молодости, резвости, шаловливости:

Главою на руку склонен
Я в сладки думы погружен... [8, I, с. 8]

5. Симптом.

Это самая разнообразная группа, которая обозначает динамику внутренних состояний лирического героя или лирических персонажей. Это отражение внутренней динамичности самого поэта:

Монах встает, как пламень покраснев,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев... [8, I, с. 15]

Через симптоматичные жесты проявляется функция репрезентации внутреннего состояния лирического героя или его отношение к партнеру по коммуникации.

Вообразив образ прекрасной половины человечества, лирический герой испытывает трепет, у него появляется желание жить:

Бессмертные! с каким волнением
Желанья жизни огонь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал
И скрылась ты прелестным привиденьем [8, I, с.18],

а также это традиционное изображение чувств в сентиментальной поэзии:

Испускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий,
Отлетает на крылах [8, I, с. 12].

Порой лирический герой предстает перед читателем ловеласом, который «смутился, трепетал» при виде лирической героини, в этом характер ранней лирики А.С. Пушкина:

Что вижу я! Иль это только сон? –
Вскричал монах, остолбнев, бледнея –
Как вкопанный пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смутился, трепетал [8, I, с. 10].

Симптом с точностью отражает все процессы, происходящие во внутреннем мире человека.

6. Осознанное и намеренное использование молчания со стороны отправителя (монаха) – выжидательная функция:

Рот открыл было
Громко крякнул, но одумался
И в молчанье закусил язык [8, I, с. 44].

Лирический герой «томится», «вздыхает», он весь в желании, он молод и горячо приемлет любовные переживания. Однако заповедь оказывается над плотскими желаниями:

Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю [8, I, с. 262]

Внутри группы этикетных жестов мы выделили следующие семантические подгруппы:

7. Театральный этикетный жест.

Переданы этикетные отношения в театральной среде на грани «актер – публика».

Именно потому, что театральная жизнь отличается от бытовой, взгляд на жизнь как на спектакль давал человеку новые возможности поведения. Театральная жизнь представляла собой цепь событий. Человек театра не был пассивным участником безлико текущего хода времени. Взгляд на реальную жизнь

как на спектакль не только давал человеку возможность избирать амплуа индивидуального поведения, но и наполнял его ожиданием событий. Именно модель театрального поведения, превращая человека в действующее лицо, освобождала его от автоматической власти группового поведения, обычая.

Недвижно стоя перед нами,
Поешь – часто не попад,
А мы усердными руками
Все громко хлопаем... [8, I, с. 88].

В ответ на жест лирического героя лирический адресат (героиня) как форму этикета предлагает свой жест, причем с неоднократным повторением:

Когда в неловкости своей
Ты сложишь руки у груди.
Или подынешь их и снова
На грудь положишь, застыдась... [8, I, с. 88].

8. Религиозный античный этикет.

Это жесты поклонения, которые являются знаком смиренности:

Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смирненно поклонясь Фортуне и мечтам... [8, I, с. 26]

Лирический герой А.С. Пушкина – это актер, примеряющий на себя разные маски. Освобожденный от бытовой жизни, он вел бытие исторического лица – сам выбирал свой тип поведения, активно воздействовал на окружающий его мир, погибал или добивался успеха в рыцарском обиходе:

Пред богинею колена
Робко юноша склонил
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил [8, I, с. 306].

9. Этикет дружбы, любви и вражды.

Для А.С. Пушкина дружба – понятие теплое и трепетное, которое было неотъемлемым атрибутом жизни поэта. В ранней лирике А.С. Пушкин именно дружбе и своим близким отвел значимую часть. Мотивом дружбы, искренней, теплой, пропитана вся лирика поэта. В унылые времена именно дружба вдохновляла поэта:

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала [8, I, с. 157].

Поэт пытается найти ответ на свой же вопрос:

И ты, природою на песни обреченный,
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный? [8, I, с. 128].
Многие строки поэта посвящены друзьям из лица:
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной [8, I, с. 128].

А.С. Пушкину были свойственны все оттенки чувства любви. Он любил все, что его окружало. Словом, любовные нотки слышны везде:

Тебе приветливый поклон,
Любви венки и Лиры звон... [8, I, с. 144].

Враждебный жест может иметь символизирующее значение – поднял мочь – «знак борьбы»:

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет как дерн, как клочок летучий снега... [8, I, с. 25].

Социальный этикет (и жест как его выразитель).

Чаще всего это отношение вышестоящих к нижестоящим:

Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу [8, I, с. 16].

либо это отношение к государству:

Склонитесь первые (цари) главой
Под сень надежную Закона... [8, I, с. 185].

Таким образом, жестовые наименования ранней лирики А.С. Пушкина оказываются средством индивидуализации персонажей, соответствуя логике их характеров, и значимой частью поэтической системы.

Через жестовые наименования мы видим, что лирический герой А.С. Пушкина живет очень яркой жизнью, несмотря на этикет. Все многообразие этикетных жестов свидетельствует о культурном воздействии театра, живописи, искусства, скульптуры начала XIX века.

Источники и литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1990 (Гл.V).
2. Виноградов В.В. О художественной прозе // О языке художественной прозы. Избранные труды. – М.: Наука, 1980.
3. Крейдлин Г.Е. Кинесика. – М. – Вена, 2001.
4. Крейдлин Г.Е. Риторика позы // Семиотика, философия. – М., 2001.
5. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М., 1988.
6. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. – М., 1987.
7. Ничик Н.Н. Семантика жеста в «Сентиментальном романе» Ф.М. Достоевского «Белые ночи» // Культура народов Причерноморья. – 1999. – №7.
8. Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х т. – Т1. – М.: Худож. лит., 1985.
9. Шелгунова Л.М. Способы передачи рече-жестового поведения персонажей в повествовательном художественном тексте // Филологические науки. – 1991. – №4.

Поступила в редакцию 11.07.2005 г.